

Потребовалось немало возни, чтобы Шэн Цзяньвэй наконец отмылся и переоделся. Тот, кто говорил, что хочет домой, спал так крепко, что его невозможно было разбудить; лицо всё ещё было красным, и он лежал, распластавшись на столе в его комнате.

Мин Юй за него переживал, велел людям влить ему отвар от похмелья, и только через долгое время он пришел в себя.

Только проснувшись, Хуа Чжаошуй почувствовал, что обстановка нехорошая, и довольно растерянно огляделся по кругу. Взгляды упали на лицо этого молодого господина, и он моментально прозрел, испуганно спеша встать на колени.

— Сладко спалось?

Хуа Чжаошуй дрожал и не мог выдать ни слова. Было очевидно, что ответишь сладко или несладко — в любом случае отправишься на тот свет.

Шэн Цзяньвэй увидел, что он молчит, и даже не рассердился, а улыбнулся:

— Подойди.

Он неуверенно глянул на господина, лишь потом набрался духу, встал и подошел к нему.

Шэн Цзяньвэй поднял руку и сразу прижал его к себе:

— Чего трясешься? Я ведь еще с тобой не рассчитался?

Хуа Чжаошуй чувствовал, что его дыхание касается самого уха, шея втянулась, он опустил голову:

— Господин, я виноват, больше не смею.

— В прошлый раз ты тоже так говорил, — тон Шэн Цзяньвэя стал нетерпеливым. — А как в этот раз? Не только не перестал бояться, но еще и вырвал на меня всю одежду — я гляжу, ты очень даже смеешь.

Хуа Чжаошуй от его внезапно поднесенного голоса испугался до того, что закрыл глаза, дрожащим голосом сказал:

— Это... это потому что выпил слишком много, поэтому... поэтому и вырвало.

— Значит, это моя вина?

Хуа Чжаошуй не смел подхватывать его слова, поспешно сказал:

— Нет... это я слишком плохо переношу вино.

Шэн Цзяньвэй усмехнулся и сказал:

— Я тоже так думаю. А не сказать ли мне госпоже, чтобы выпросила тебя ко мне, в мой двор, чтобы ты прислуживал? Господин потренирует твою выносливость к вину.

Хуа Чжаошуй в сердце похолодел, он долго был в ступоре, прежде чем сказать:

— Гос-господин, учитель говорил, что поющим арии нельзя много пить, если выпьешь много,

голос будет испорчен.

— Ну и отлично, — Шэн Цзяньвэй сжал его подбородок, заставляя его смотреть на себя, и с улыбкой сказал. — Сначала голос испортим, потом тебе руки-ноги поломаем — вот тогда ты по-настоящему и не посмеешь.

Хуа Чжаошуй и так от того, что он сжимал подбородок, чувствовал боль, а сейчас от страха чуть не заплакал, долго не мог выдать ни слова.

Шэн Цзяньвэй полюбовался его оцепеневшим от страха выражением, вдруг почувствовал, что настроение отличное, намеренно подразнил:

— Почему молчишь? Ты тоже считаешь, что мои слова справедливы, да?

Хуа Чжаошуй покачал головой, на лице висели слезы, которые вот-вот упадут, он поднял глаза на него:

— Господин, я вас слушаюсь, только не пугайте меня.

— Откуда ты знаешь, что я пугаю? Считаешь, я на такое не способен? — Шэн Цзяньвэй поймал его запястье, подушечкой пальца медленно тер выступающую косточку.

Хуа Чжаошуй свободной рукой потянул его рукав:

— Не-нет, господин, если оставите меня, я еще смогу прислуживать господину, а если голос испорчен, не смогу господину арии петь.

Настроение Шэн Цзяньвэя будто стало очень ясным, он рассмеялся:

— Еще и сообразительный.

Хуа Чжаошуй с трудом выдал улыбку в ответ, обнаружив, что талия зажата в его локте, а запястье поймано в руку, сам совершенно не может шевельнуться.

Он как раз волновался, как вдруг услышал, что этот господин снова заговорил:

— Раз так хочешь прислуживать, тогда завтра сходи к госпоже и скажи, что хочешь ко мне, пусть госпожа отпустит тебя сюда.

Хуа Чжаошуй удивился «а» и сказал:

— Господин, я не смею, госпожа меня побьет.

Шэн Цзяньвэй намеренно ущипнул его талию, заставив его вскрикнуть, и только тогда сказал:

— Я слышал, госпожа тебя любит. Как же ей поднимется рука ударить тебя? Ты, наверное, не хочешь идти, вот и ищешь отговорку.

Хуа Чжаошуй волновался до крайности, снова объяснил:

— Не-нет, госпожа любит меня, но любит за то, что я послушный. Если я так пойду отвечать, госпожа не то что побьет, а до смерти прибьет, еще и продаст может быть — господин, пощадите мою жизнь, я правда не смею.

Он так говорил, а в сердце думал: второй молодой господин выглядит таким величественным, неужели он не должен послушно слушаться старшей госпожи? Хочет меня обмануть, я и не хочу к тебе прислуживать.

— Сказанное тобой тоже имеет смысл, — Шэн Цзяньвэй вдруг выдал такую фразу, что Хуа Чжаошуй озадачил.

Хуа Чжаошуй посмотрел на его лицо, осторожно спросил:

— Тогда... господин, вы можете меня отпустить? Мама точно еще ждет меня есть — господин, я целый день сегодня не ел.

Раньше от страха он и не чувствовал голода, а сейчас, как сам упомянул, правда почувствовал, что голоден, живот очень кстати дважды заурчал.

Хуа Чжаошуй смущенно прикрыл руками перед собой, с полными надеждами глазами посмотрел на того господина.

Шэн Цзяньвэй улыбнулся, позвал Мин Юя:

— К слову, я тоже проголодался, иди принеси поесть.

Мин Юй отозвался и хотел уйти, Хуа Чжаошуй наоборот заспешил:

— Господин, я здесь не буду мешать вам глазам, отпустите меня обратно, сегодня середина осени, я хочу домой поесть.

— Я же не говорил, что оставляю тебя есть, — Шэн Цзяньвэй похлопал его по лицу. — Разве ты видел, чтобы какой-нибудь раб ел за одним столом с хозяином?

Лицо, которое из-за опьянения наконец сошло с краски, услышав это, тут же снова покраснело. Хуа Чжаошуй опустил голову, плотно сжал губы, ни слова не сказал.

Этот господин, вероятно, счел, что дразнить его забавно, еще намеренно потрогал его живот и спросил:

— Ты голоден? Живот не урчит, значит, не голоден? Тогда позже домой иди есть.

Хуа Чжаошуй от его прикосновений щекотало, сейчас он и стыдился, и сердился, но неудобно было проявлять слишком явно, пришлось поджимать талию, чтобы прикрыть свой живот, лицо опустил.

Вскоре слуги подали вино и еду, сначала было блюдо с жареными свежими грибами, в комнате сразу запахло, затем положили тарелку курицы с каштанами.

Мин Юй хорошо знал, какую пакость творит его господин, каждое блюдо громко объявлял, называя это рисовой кашей с крабовым мясом, то говядиной в соусе из листьев лотоса, еще был суп из сазана с тофу.

Шэн Цзяньвэй увидел, что он, опустив голову, тихонько глотает слюну, наконец отпустил его, важно подошел к столу и сел, позвал:

— Иди наливавай вино.

Хуа Чжаошуй был полон нежелания, но мог только кривляясь подойти наливать ему вино. Сейчас он не только чувствовал голод, но и немного болел желудок.

Налил вино и хотел юлом уйти на сторону, а этот непостоянный господин снова обхватил его талию, с силой — и он снова сел на колени к господину.

У Хуа Чжаошуй сердце екнуло, он подумал: если это узнает госпожа, меня точно побьют и выгонят.

Шэн Цзяньвэй взял палочками курицу с каштанами, поднес к его рту:

— Хотя с хозяином за одним столом нельзя, но хозяин тебя покормить может.

Хуа Чжаошуй очень хотел бы немного проявить характер, внятно и четко сказать «не голоден», но он правда был уже на грани смерти от голода, подсознательно открыл рот, чтобы принять, в результате палочки вдруг отодвинулись назад, заставив его лицо выглядеть непонимающим.

Он поднял глаза и сразу увидел выражение лица этого господина, словно он чего-то ждет, многолетний выработанный инстинкт выживания заставил его вырваться:

— Спасибо господину за награду.

Только после этих слов тот кусок еды упал ему в рот. Хуа Чжаошуй подумал: правда трудно прислуживать, но в то же время прищурился, думая, что еда господина действительно отличается.

Хотя кормить так немного похоже на домашнее животное, но вещи господина правда слишком вкусные, Хуа Чжаошуй был накормлен с радостью. Если бы не запрет господина двигаться, он бы уже хотел себе налить еще миски супа.

Шэн Цзяньвэй тоже обнаружил, что он начал наслаждаться, покормил его несколькими кусочками свежих грибов, а он с горящими глазами смотрел на рисовую кашу с крабовым мясом, не хватало только фразы «я хочу это».

Ртом он не смел сказать, но взгляд был явно намекающим. Шэн Цзяньвэй вдруг почувствовал, что скучно, хлопнул палочками по столу, и не издал звуков.

Хуа Чжаошуй испуганно вздрогнул, подумал: почему снова рассердился.

Он долго крутил мозгами, стотысячно осторожно открыл рот:

— Господин, я обычно не ем так много, сегодня потому что слишком долго голодал...

Шэн Цзяньвэй вдруг сжал его щеку, прервал его слова:

— Поел, выпил. Через несколько дней ты переезжай ко мне.

Хуа Чжаошуй подумал, что Шэн Цзяньвэй тоже ничего не может сделать с госпожой, и сказал:

— Господин, тогда вы идите к госпоже просите. Если я скажу, госпожа точно подумает, что я нос задираю, побить меня еще мелочь, не продаст ли меня — господин, пожалейте меня, я не хочу быть проданным снова. Сейчас хотя бы не в покоях господина, но я тоже готов прислуживать господину.

<http://bllate.org/book/16756/1562731>